

ГАЛИНА РОМАНОВА

ШОУ СЕМЕЙНЫХ СЕКРЕТОВ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Шоу семейных секретов

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Шоу семейных секретов / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2022 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-166303-2

В семье крупного бизнесмена Суворова давно отлаженная и внешне благополучная жизнь полностью разрушена – его жена Элеонора сбежала, прихватив со счетов мужа крупную сумму, которую она обналичила в банке по соседству. Там работал ее сообщник и по совместительству любовник Сергей Пронин. Но скрыться парочка не успела: вскоре Сергей был убит в своей машине, стоявшей во дворе. Полиция сначала сочла, что его смерть наступила по естественным причинам, но экспертиза установила: он был отравлен крайне изощренным способом... Галина Романова – подлинный знаток человеческих чувств и отношений. В ее детективных мелодрамах из серии «Метод женщины» переплетаются и кровь, и слезы, и любовь. Все, как в реальности, когда один-единственный шаг отделяет нас от любви до ненависти, от дружбы до любви, от рождения до смерти. Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166303-2

© Романова Г. В., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Шоу семейных секретов

© Романова Г. В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

Распустившаяся сиреневая ветка билась в стекло. Ветер трепал ее из стороны в сторону, и Вадику она казалась мохнатой лиловой мочалкой. Просто мочалкой, никакой поэзии.

Присутствующая в гостиной семья из трех человек не казалась ему интеллигентной и уважаемой. Сын наркоман. Дочь шлюха. Папа алкаш. Мама сбежала.

Они могут сколько угодно позировать репортерам. Скалить свои холеные рожи в объектив, давать интервью, с глубокомысленным видом рассуждая о жизненных ценностях, экологии и положении беженцев в Европе, – он-то все про них знает и считает, что уважения они недостойны. А достойны как раз тех неприятностей, которые им устроила сбежавшая мамаша.

А мамаша что сделала? Перед своим побегом почти полностью опустошила счета фирмы мужа, переведя их на свой личный. А потом – в течение часа – все обналачила в банке по соседству с фирмой.

Умно?

Вадик считал, что даже очень. Не сними она деньги со своего счета, их бы просто заблокировали, и бежать было бы не с чем. Пришлось бы ей снова терпеть мужа-алкаша, который – по слухам – в последние годы начал распускать руки.

Он вообще проникся невольным восхищением к сбежавшей даме. Она единственная казалась ему достойной уважения, снисхождения и сочувствия.

Папа, когда отошел от шока, бросился к счетам сыновьей фирмы, что была «дочкой» его собственной, а сынок его тормознул. Нет, мол, папа, это мое. Сам расхлебывай свои неприятности. Не сумел бабу в узде держать. Допустил ее до бизнеса. Причем до такой степени, что она имела доступ к счетам. Вот теперь как хочешь, так и выкручивайся.

Отец, конечно, выкрутился. Он был алкашом, но не дураком. И себя подстраховал, заключая с сыном доверительный родственный контракт. Сынок по наивности полагал, что является хозяином, и папе поспешил отказать. А вышло, что он там вообще никто. Практически генеральный директор, и только.

Папа дела быстро выправил. На сына затаил злобу. Тот на него тоже обиделся. Считал себя полновластным хозяином, а на деле...

Но им пришлось объединиться в стремлении вернуть мамашу вместе с украденными деньгами. К ним примкнула и дочка, дожившая до двадцати восьми лет без определенного рода деятельности и менявшая половых партнеров со скоростью как у спортивного болида.

Вообще-то она мать любила. И всегда была с ней близка. После ее бегства папа с сыном дочке это припомнили и намекнули, что содержать ее из средств семьи более не станут. Пора вспомнить, что она окончила заграничный университет, имеет блестящее образование и полученные знания давно пора применить на практике.

– А ты семейные деньги на кокс спускаешь! – орала она брату в ответ на упреки.

– Он их отработывает, – вступался за вероломного сыночка папаша.

– А ты, папа, пропиваешь, между прочим, больше, чем я на тряпки трачу, – огрызнулась дочка. – Твой элитный алкоголь стоит целого состояния.

– Моего состояния, – резонно замечал отец.

Вступать в конфронтацию с дочерью он опасался. Он ее очень любил и еще помнил те дни, когда она называла его дядей Женей.

Нет, он был ей самым настоящим отцом. Все тесты ДНК подтвердили бы. Просто однажды на ее глазах он сильно побил ее мать – свою жену – и упал в глазах дочери ниже всех уровней. Тогда из папули и превратился в дядю Женю.

Ему пришлось дорого заплатить, чтобы вернуть ее расположение, поэтому он не сильно на нее давил.

Виталик эту троицу не просто презирал, он их тихо ненавидел. Давно бы уже отказал им в своих услугах, да деньги платились хорошие. А он за минувший год сильно поистрепался, выплачивая отступные бывшей жене. Приходилось терпеть, делать вид, что продолжает активные поиски, и даже представлять отчеты в устной и письменной форме, подтвержденные документально.

Семья из трех человек привычно ругалась, на время позабыв о его существовании. Он продолжал рассматривать сиреневую ветку, распутившуюся минувшим майским утром. Она по-прежнему елозила по стеклу, размазывая частые капли дождя, что собирался всю неделю и сегодня наконец полил.

Очень, очень некстати. Он вырядился в светлые замшевые мокасины и белые льняные штаны. Машину был вынужден оставить за воротами. А там у них всегда грязные обочины. Если какой-нибудь лихач задумает промчать мимо него на скорости, обувь и штаны будут запачканы.

– Слышь, Коломбо. – Отец семейства поднял на него тяжелый мутный взгляд, отвлекая Виталика от невеселых размышлений. – То есть ты хочешь сказать, что она не пересекала границу?

– Если только по поддельным документам, что вряд ли.

– Чего это вряд ли? Сейчас паспорт даже школьник может состряпать, – фыркнул сынок.

– Нет, Эдуард Евгеньевич. Исключено. Загранпаспорта сейчас такой степени защиты, что подделать их весьма и весьма сложно. – Он улыбнулся одними губами. – Тем более школьнику. К тому же фотографии вашей мамы и супруги разосланы по всем вокзалам и аэропортам страны. Я не полиция, но подобное практикуется и частными детективами. Это не противозаконно. И если она не делала пластических операций, что вряд ли, ее бы уже давно вычислили.

– А почему она не могла сделать пластику? – изумленно выгнула аккуратные брови дочь. – У нее для этого достаточно средств и связей.

– Да... Но не думаю, что ради бегства она пожертвовала бы своей природной красотой. Она ведь очень красива. Очень! – подчеркнул голосом Виталик и уставился на портрет на стене.

На нем сбежавшая хозяйка дома позировала художнику, стоя на носу яхты. Портрет был восхитителен. Он невероятно точно отражал ее красоту, глубину взгляда и утонченность.

Хозяину дома было о чем печалиться. Он потерял не только деньги – много денег! – но и одну из красивейших женщин. Она была его украшением. Главным бриллиантом в короне, которую он не снимал уже полтора десятка лет.

Он должен был вернуть ее домой, во что бы то ни стало! И черт с ними, с деньгами. Она обязана вернуться и снова стать хозяйкой этого шикарного дома. Чтобы, как всегда, принимать важных гостей, блистая во всей красе, тем самым сводя их с ума. Вести с их женами светские беседы. Осторожно выведывать у них секреты мужей и доносить своему Жене. Наставлять его, направлять, подсказывать. Они, как и прежде, должны соответствовать друг другу. Вызывать зависть! Он же без нее...

Никто! Да, да, он ее любил и любит. И не прав был, что поколачивал за несговорчивость.

– Хорошо, если она в стране, то где?

Евгений Иванович протянул руку к журнальному столику, подхватил тяжелый стакан, доверху наполненный виски, поднес ко рту, глянул вопросительно.

– Страна большая, – последовал туманный ответ.

– Ты чего, Коломбо, охренел?

Он поперхнулся виски и сильно закашлялся. Эдик тут же подошел и услужливо постучал отцу между лопаток. Дочь Эльза, закатив глаза, беззвучно рассмеялась.

– В смысле? – Виталик оторвал взгляд от разлохматившейся ветки сирени. – В смысле, охренел?

– Я за что тебе такие бабки плачу?

Отец откашлялся, залпом опрокинул стакан, подышал и встал с дивана, на котором просидел, не двигаясь, последний час.

– Ты мне целого состояния стоишь, сученыш! Бумажки все какие-то носишь, отчитываешься. А по сути – дело ни с места.

Евгений Иванович шел прямо на него на нетвердых ногах. Виталик, сообразив, что может получить в лицо, поспешил отступить к двери.

– Я делаю все, что могу, Евгений Иванович, – быстро заговорил он. – Я восстановил по минутам ее последний день накануне бегства. Я нашел машину, в которую она села. Совершенно случайно...

– Совершенно случайно нашел? – хихикнул гаденыш Эдик.

Его все это забавляло. Он был бы крайне рад, если бы Виталику сейчас разбили нос и выкинули на ступеньки, как ссаного кота.

– Совершенно случайно села, – поправил он с кислой улыбкой. – Она подняла руку, машина остановилась. А я нашел и машину, и водителя.

– И что дальше? Стоящего ничего не смог из этого выудить, Коломбо! – возмутился глава семьи и неожиданно остановился на середине комнаты. – Ты даже узнал, где он ее высадил и куда она потом пошла. Но ее дальнейший путь так и не отследил. Или я заспал?

Он дурашливо принялся тереть глаза и широко зевать, будто только что проснулся.

– Нет, вы не заспали. – Виталик еще раз осторожно шагнул назад и уперся задом в торец открытой двери гостиной. – Я просто потерял ее след. Она очень умело шифруется. Дайте мне еще немного времени...

– И денег! – на тонкой ноте закончил за него Эдик.

– Все, Коломбо! На этом все! – Крепкая рука хозяина, с хорошо развитой мускулатурой и ухоженными ногтями, вытянулась в его сторону с огромным кукишем. – Больше ни копейки. Ты уволен. Пошел вон отсюда!

– Евгений Иванович, но как же так? – слабым голосом возмутился Виталик. – Вы со мной еще за предыдущие действия не рассчитались, и я...

– Расчет будет, не вопрос. Я уже распорядился, деньги в конверте получишь на выходе. Но больше я в твоих услугах не нуждаюсь. Пошел вон.

Глава семьи вернулся на диван, уперся локтями в колени, уложил лобастую голову в растопыренные ладони и застонал громко и протяжно.

Все, Виталику было пора. Он кивком попрощался с дочерью и сыном. И вышел из гостиной. На выходе его ждала горничная Маша. Сурово сжав губы, она на него едва взглянула. Сунула в руки довольно пухлый конверт и почти вытолкала из дома.

Виталик пересчитал деньги сразу за дверью. Его не обидели. Он был доволен. С делом покончено. Оно незаурядно и заведомо проигрышно. Элеонору Суворову он не найдет. Хорошо, что получилось на этом замечательно заработать. Теперь можно вернуться к текучке и полгода не забивать себе голову финансовыми проблемами. Он их решил.

А сбежавшую супругу Суворова пусть ищет полиция, если Евгений Иванович соблаговолит к ней обратиться.

Глава 2

– Илюша, привет. Чем занимаешься?

Жаркий шепот Верочки словно залил ухо горячим медом. Стало неприятно и липко.

Илья поморщился. Зачем так манерничать? Нормально говорить нельзя? Сидит дома. Одна. Никто подслушать не может. Зачем шептать, особенно так? Какой смысл корчить из себя Клеопатру, если ты простая девчонка, медсестра на «Скорой»?

– Привет. Работаю.

Для наглядности он зашуршал бумагами на столе.

– И что, для меня не найдется минутки? – последовал легкий смешок, еще более противный, чем шепот. – Хотела...

– Вера, что именно ты хотела? – перебил ее Илья. – Я на работе, понимаешь! Мне твои игрища... Вообще, почему ты шепчешь? Тебя подслушивают? Ты в толпе народа? Говори нормально, если дома и одна!

Кажется, он наорал на нее. И, кажется, она обиделась. Замолчала на пару секунд, а потом затараторила, по обыкновению проглатывая окончания. И невоспитанный он. И неотесанный. И вообще ничего не понимает в женщинах. В их посылках и знаках внимания.

Почему он с ней? Зачем?! Она раздражает его, с ней неловко, иногда стыдно. Зачем? Давно пора расстаться, а он малодушничает. Жалеет ее.

– Если, конечно, у тебя кто-то появился, и ты не хочешь вообще ничего, то...

Илья выловил в потоке упреков главное и оборвал ее словами:

– Да. Есть. У меня другая девушка. Давно хотел тебе сказать, да все никак не решался. Но раз ты сама знаешь...

– Не знала, – снова шепотом, на этот раз трагичным, ответила Вера.

– Но теперь знаешь.

– Знаю. И... – Она всхлипнула отчетливо и громко. – И как давно? Как давно ты меня обманывал?

– Это...

Он хотел сказать, что это не имеет значения, но быстро понял, что такой ответ повлечет за собой новые вопросы. И соврал в очередной раз, назвав месячный срок. Вера трижды назвала его нехорошим словом. Посоветовала обратиться к их штатному психиатру. Потребовала вычеркнуть ее из жизни, из сердца и памяти телефона. И, наконец, дала отбой.

– Не думаю, что тебе удастся от нее так просто отделаться, – тут же произнесла Кира Назарова – майор полиции, его коллега, хороший друг и наставник. – Есть женщины, которых невозможно завоевать. А есть такие, от которых невозможно отделаться. Сейчас она поразмыслит и позвонит тебе. Не знаю когда. Но первым вопросом будет: кто она? Твоя новая симпатия.

– А вторым?

Илья нервно улыбнулся. Он-то рассчитывал, что больше не услышит Веру.

– А вторым вопросом: чем та другая лучше. Ну, ты понял. Потом станет плакать, просить тебя начать все сначала. Обещать, что исправит все ошибки, на которые ты укажешь. И ты, возможно, размякнешь, дашь ей вторую попытку. Но это будет второй твоей ошибкой, Илюша. Вера никогда не изменится. Она просто такая. Не плохая, в сущности, но тебе не подходящая.

– Это вторая ошибка. А первая? Какая моя ошибка первая? – Он с интересом смотрел на Киру, не перестающую стучать пальцами по клавишам клавиатуры.

– Первая – ты связался с такой девушкой, как Вера. Она же не твой типаж. Зачем?

– А-а-а, понял. – Он кисло улыбнулся коллеге и помотал головой. – Если бы я был таким мудрым, как ты, Кира! Я бы и ошибок не совершал.

– Это вряд ли, – хмыкнула она, глянув поверх очков в тонкой, почти невидимой оправе. – Мудрость, юноша, это багаж, который пополняется лишь посредством прожитых лет и накопленных ошибок.

– Хочешь сказать, ты тоже ошибалась? Как я?

– Хуже! – Она едва слышно присвистнула. – Моим ошибкам нет счета. И я продолжаю их копить. К примеру...

Кира вдруг оттолкнула от себя клавиатуру, откинулась на спинку офисного кресла и мечтательно улыбнулась.

– К примеру, неделю назад я позволила одному своему бывшему пригласить меня на ужин. Знала, что мерзавец, а пошла. Зачем? От одиночества? И ответу тебе, юноша. – Кира поставила локоть на стол, уложила подбородок на кулачок. – От одиночества. От него проклятого! Не выношу я его. Тоскую. Мама уехала к себе. Характер ей мой не нравится, несносный. Я говорю: какую воспитала. Она не согласилась, обиделась и уехала. И кошка еще пропала. Даже кабельное телевидение отключили на неделю. И что мне, скажи, было делать? В потолок вить? А тут он звонит. Мерзавец ведь! Знаю, что мерзавец, но пошла на свидание.

– И как?

Илья повеселел. Липкий шепот Веры, ее упреки и всхлипы, – все отошло на второй план. Блеск глаз Киры, которые он втайне считал прекрасными, был весьма заразителен. А ее колкий юмор в свой адрес всегда его восхищал. Умение подшутить и посмеяться над собой он считал уделом людей великих. У него так не получалось. Он к своей персоне относился весьма настороженно. Боялся обидеть и впасть в уныние.

– Свидание-то? – Кира запрокинула голову и рассмеялась. – Отстой, Илюша! Да и свидания как такового не было. Деловой ужин, скорее. Это я сама себе выдумала втихаря. Как Вера твоя.

– Ну вы, товарищ майор, сравнили. – Он рассмеялся с ней в унисон. – И как прошел деловой ужин? Что предложил мерзавец?

– Работу, не поверишь! Не трудоустройство, а поработать на него факультативно. Платить обещал по самому высокому тарифу.

– Может обмануть?

– Вряд ли. Но... – Она закинула руки за голову, обхватила затылок ладонями и со странной мечтательностью произнесла: – Но связываться с господином Суворовым... В общем, я не рискнула и посоветовала ему пойти официальным путем. Он обещал подумать.

– И подумал?

– Ага. Сегодня звонил. С минуты на минуту будет здесь... Возьми его, а? У меня к нему слишком предвзятое отношение. Не смогу быть объективной. Заколю его своими шуточками.

– Так точно. Возьму. А там что-то серьезное?

– Именно то, что у тебя получается лучше всего, капитан. Только ты способен отыскать иголку не в стоге даже, а в ангаре с сеном...

Илья с обожанием смотрел на коллегу. Общение с ней для него было как родниковая вода в жаркий полдень. Как у камина согреться в лютую стужу. Как манны перехватить в страшный голод. Кира была невероятной! Красивой, умной, рассудительной. Но когда он попытался за ней приударить пару лет назад, она четко определила свою позицию.

– Илья, мало того что разница в возрасте у нас с тобой в тринадцать лет, так мы еще и коллеги. Закрутим роман, повлюбляемся друг в друга, настрадаемся потом, поскольку будущего у таких отношений нет. И в итоге что: увольнение? Я не хочу менять место работы. Дом рядом. А ты?

Он тоже не хотел.

– Вот видишь. Так что запряги свои гормоны и контролируй их. А то ишь чего удумал: увлечься самой стервозной стервой Управления. Осади назад...

Он послушался. Пару ночей не поспал, искусал губы, но счел, что в каждом ее слове своя правда есть. Ни разу больше не намекал, что его к ней тянет. И себя убеждал, что нравится она ему не как женщина, а как коллега, профессионал. Получалось...

Дверь без стука широко открылась, и в кабинет шагнул мужчина.

– Разрешите? – вопросительно глянул он на них по очереди.

– Да, входите, – кивнула Кира и указала на стул возле стола Ильи: – К капитану, пожалуйста. Он предупрежден. Ждет вас.

Ага! Это и есть тот самый мерзавец. Илья впился в него взглядом.

На вид лет пятьдесят. Кряжистый, среднего роста. Голова лобастая, с высокими залысинами и почти полностью состриженной растительностью цвета соли с перцем. Глаза узкие, черные, взгляд пронзительный. Как у мерзавца, которого боготворят женщины, в прорубь за ним прыгают и со скалы, сделал вывод Илья.

На мужчине, который представился Евгением Ивановичем Суворовым, была белая рубашка, тесно обхватывающая крепкое тренированное тело. Синие узкие брюки, демонстрирующие игру прекрасных мышц при ходьбе. Походка осторожная, пружинящая, как у хищника.

Он был хорош – этот пятидесятилетний мерзавец – бывший возлюбленный Киры, Илья не мог этого не признать и почувствовал сразу тот самый укол в сердце, который именуют ревностью.

– Слушаю вас, – произнес он надменно и холодно, упорно игнорируя Суворова взглядом.

– В общем, дело такое... – Тот сцепил пальцы с такой силой, что белыми стали не только костяшки, но и кожа на кистях. – Моя жена кинула меня на деньги и сбежала. Я хочу написать заявление о ее пропаже.

– Изложите все подробно, – потребовал Илья. – Когда, как и при каких обстоятельствах.

– На бумаге?

Илья поймал легкий отрицательный взмах Кириной головы и сказал:

– Можете пока устно. А там решим, как квалифицировать вашу историю с исчезновением.

– История – полный отстой, капитан. – Кривая ухмылка тронула жесткий рот Суворова. – Непонятная, беспричинная, подлая история бегства моей жены.

Глава 3

Виталик Коломов с легкой улыбкой рассматривал молодого капитана, явившегося в его частную контору с раннего утра без всякого приглашения и предварительного оповещения. И мысли у него при этом были маетные, нехорошие.

Ну, вот начинается! Он так и думал! Вернее, не думал и не хотел, но предполагал, что так будет: Суворов пойдет в полицию и напишет заявление об исчезновении жены. А те первым делом навестят его – Виталика Коломова, потому что он уже работал по этой теме и у него имеется информация. Попробуй, докажи ментам, что она денег стоит! Они после такого ответа быстро палок натыкают меж каждой спицы в его легко вращающемся колесе. Дела-то у него шли неплохо, даже очень хорошо. Подумывал штат пополнить помощниками. Надоело самому мотаться с фотоаппаратом в поисках подтверждения неверности супругов. Случались другие дела, и он их раскрывал, да. Не сразу, но выходило обойти полицию. Пока они отчеты строчили и обрастали бумагами, Виталик действовал.

Все у него шло замечательно, пока не позвонил Суворов. Он сразу понял, что история дрянь, с какой стороны ни рассматривай. Если бы не щедрость заказчика, сразу бы отказался. И дело даже не в том, что он не надеялся на положительный результат – просто предполагал, что рано или поздно все закончится таким вот визитом представителей полиции.

Он очень не любил с ними сотрудничать. Очень! Почему? Да все просто! Он вкальвал, а они приходили и сливки снимали. И звезды потом на погоны получали на его разработках.

А разве он обязан?

Виталик перевел взгляд с молодого капитана за окно. Это всегда помогало отвлечься от маетных мыслей независимо от того, что там: солнечный день или хмурое ненастье. Сегодня с утра зарядил мелкий дождь, и сквозь окно одиннадцатого этажа, где он арендовал офис, город казался присыпанным мелко раскрошенным графитом. Виталик не очень жаловал такие пейзажи: серое небо, серые дома, серые деревья. Но это было все же лучше, чем смотреть на розовощекого капитана Галкина.

Почему-то он сразу не понравился Виталику. Какая-то жилка в подреберье дернулась, стоило малому войти в его офис и вежливо поздороваться.

– Присаживайтесь, – процедил сквозь зубы Виталик, понимая, что далее держать паузу невежливо и опасно. – Чем же я могу вам помочь?

– О, на помощь вашу очень рассчитываю, Виталий Васильевич. И не я один.

Парень тоже был мастак сохранять интонацию. Дождался, когда левая бровь Виталика вопросительно поползет вверх, и продолжил:

– А также майор Назарова Кира Сергеевна. Привет вам от нее, кстати.

– О, Кира! – не сумел удержаться от восторженного возгласа Виталик. – Она все еще в полиции? Не подцепила олигарха и не укатила за границу?

– Кира? – изумился капитан Галкин. – А собиралась?

– Нет, но... – Виталик вяло взмахнул руками. – Но при ее-то внешних данных просиживать не штаны, а юбку, в полиции... Странно, но время ее не меняет. Видел тут как-то репортаж по телевизору. По-прежнему... По-прежнему прекрасна. Она вас сюда направила?

– Так точно, – соврал Галкин.

Он здесь находился по совету и рекомендациям самого господина Суворова. Евгений Иванович был уверен: ушлый частный детектив что-то скрыл от семьи. Но самому детективу об этом знать совсем необязательно, не так ли?

– И что же хотела через вас узнать у меня Кира Сергеевна?

Виталик поставил на стол растопыренные пальцы и почти нежно глянул на капитана. Он вообще производил впечатление мирного, мягкого человека. Даже увальня, постоянно борю-

щегося с лишним весом. Никто бы не смог догадаться, что происходит в его душе, какие мысли рождаются в голове, и какие побуждения он в себе душил.

– Что у вас есть по Элеоноре Суворовой?

– Я так понимаю, супруг все же явился к вам и написал заявление о ее исчезновении?

– Да.

– Спустя столько времени... – Виталик укоризненно качнул головой. – Прошло почти полтора месяца. Вы в курсе?

– Да.

– В тот день, когда она сбежала или исчезла, – как вам будет удобно трактовать, товарищ капитан, – Элеонора перевела деньги со счетов мужа на свой личный. И обналачила всю сумму в банке на той же улице.

– Как смогли собрать всю сумму так быстро? Думаю, средства были немалые.

– А Суворов не признался, сколько именно? – Серые глаза Виталика зажглись усмешкой.

– Нет.

– Там было очень, очень, очень много денег. Элеонора вывезла их из банка в чемодане для путешествий. С ними села в машину. С ними вышла. Денег было много! И да, вы правы. Сразу банк таких наличных средств не собрал бы. Она договорилась заранее.

– О как! У нее там был сообщник?

– Может, да, а может, и нет. – Виталик сложил растопыренные пальцы домиком и тронул кончиками нос. – Я узнавал... Этот банк не очень охотно работал с самим Суворовым. То ли личное что-то, то ли еще какая причина. Его бизнес там средств не держал. А вот супруга все свои личные сбережения хранила. И скажите на милость, кому взбретет в голову оповещать Суворова, с которым не было контактов, о состоянии ее счета? Думаю, она не случайно выбрала этот банк.

– Думаю, да, – согласился Галкин. – Она выбрала тот банк, где у супруга не водилось друзей. Умно.

– Очень! Элеонора вообще очень умна и образованна. Он без нее... Не скажу, что пропадает, но не блистает точно, – не без удовольствия констатировал Виталик.

– Кто забрал ее от банка?

– Совершенно случайный человек. Ехал на машине мимо. Она вскинула руку, он остановился. Довез до какого-то местечка в спальном районе. Высадил там, проводил взглядом, как он утверждает, завистливым, и уехал.

– Данные этого водителя вы мне предоставите?

Он почти не спрашивал. Этот розовощекий голубоглазый молокосос был уверен, что Виталик поделится информацией. А куда ему деваться?

– Вот, здесь все. Копируйте себе. – Он швырнул через стол папку с делом Элеоноры Суворовой. – Отчеты заказчику. Контакты.

Галкин поблагодарил и поспешил к ксероксу, что стоял на соседнем столе. Минут пять он делал копии. Бумаг было немного, и он спешил. Свернул свои копии трубочкой, сунул подмышку, папку вернул Виталику.

– Виталий Васильевич, мне очень важно знать ваше личное мнение, – медленно начал плести паутину лести молодой коллега Киры Назаровой. – Что вы думаете обо всем этом?

– Я? – фыркнул Виталик. – Полноте, капитан! С вашим рвением, инструментами и рычагами воздействия! Вы найдете ее мгновенно. Кто я?

– И все же. Что вы думаете об этом деле?

Виталик снова уставился на окно. Графитовая серость дня стала жиже. Сквозь низкие тучи продиралась голубизна небес. Погода налаживалась.

– Я думаю, что это дело весьма и весьма запутано, капитан, – смилостивился он до откровений. – Элеонора забрала чемодан денег из банка и пропала... Муж сокрушается, но не идет

в полицию... Дети не кажутся расстроенными... И опять же, мне неизвестно, был ли у Элеоноры любовник.

– Любовник?

Галкин вспомнил, с какой уверенностью убеждал их Суворов, что его супружеская жизнь, если и не была сахарной, но точно не строилась на изменах. Они всегда были друг у друга на виду.

– Однако же ей удалось оставить его с носом, – усмехнулся Виталик, когда Илья поделился с ним. – У нее был сообщник. Это совершенно точно. Одной было бы сложно все это проверить. И сложно было бы спрятаться. Это мог быть кто угодно: любовник, брат, знакомый, сын, дочь... А муж... Муж мог давно найти ее и убить, а тело спрятать. И теперь разыгрывать комедию. Сначала передо мной, потом перед вами. Знаете, товарищ капитан, что я думаю по поводу пропавших со счетов денег?

Галкин вопросительно уставился на него.

– Они могли исчезнуть только с его молчаливого согласия. Он мог просто за всем этим наблюдать со стороны и ждать, что будет дальше. Знаете, как сытый кот за глупой мышью? Приблизительно так, да.

– Другими словами, версий уйма?

– Сожалею, – развел руками Виталик. – Мне можно было соскочить. И, кажется, я вовремя это сделал. Вам сложнее. Если не найдете Элеонору живой или мертвой, дело повиснет...

За капитаном дверь закрылась уже полчаса назад, а Виталик все сидел и сидел, уставившись в одну точку.

Он маялся опасениями, которые с угрызениями совести не имели ничего общего. Попросту трусил, поскольку не был до конца откровенным с молодым капитаном. Виталик не все документы отдал ему в руки. Было еще кое-что, что он приберег для себя.

После того как Элеонора вышла из машины случайно остановившегося водителя, она не ушла в неизвестном направлении, а пересела в другой автомобиль. И он совершенно точно ждал на стоянке за углом дома, возле которого ее высадили. Виталику удалось заполучить записи с видеокамер того двора. Недешево обошлось, но он увидел то, о чем сейчас умолчал.

Марка и цвет машины без номеров. Силуэт пассажира, достаточно высокого, с которым Элеонора совершенно точно поцеловалась, когда села на пассажирское сиденье. Это мог быть дружеский поцелуй, родственный, материнский или поцелуй страсти. Но тот человек, которого поцеловала Элеонора, был ее сообщником. Никаких сомнений.

Глава 4

Пришлось состричь волосы. Предмет ее гордости покоился теперь на какой-то городской свалке в черном мусорном пакете. Или его давно растрепали птицы и свили из ее волос гнезда. Из такой шикарной шевелюры должно было получиться не одно гнездо, размышляла Элеонора, то и дело рассматривая новую себя в зеркале.

Она теперь мало была похожа на себя прежнюю. Короткая неопрятная стрижка. Пряди выкрашены в черный цвет, местами добавлено седины. Это делало ее лет на пятнадцать старше. А если учесть, что в свои сорок восемь она всегда выглядела на тридцать, то теперешний облик каждое утро вгонял ее в ступор. Стоило глянуть на себя в зеркало, как накатывала оторопь.

Конечно, можно было воспользоваться париком. Серж настоятельно советовал, едва не со слезами наблюдая за тем, как она режет свои волосы. Но Элеонора решила не рисковать. Парик – это всегда риски. Кому-нибудь на таможенном контроле придет в голову дернуть ее за волосы, и последует неминуемое разоблачение. Тогда она точно не будет похожа на ту тетку с фотографии в новом паспорте, который ей все никак не подготовят. Серж каждый день кормил ее «завтраками», отводил взгляд и неуверенно мямлил. И она знала почему.

Он был разочарован ее обликом. Она превратила себя в старуху, а он к ее новому образу был не готов. Особенно в гриме, который она накладывала перед выходом на улицу. И со специальными вкладышами под щеки. Он не узнал ее в первый раз, когда она осмелилась выйти из дома. Прошел мимо с букетом цветов, который тщательно прятал в большом пакете. Она его окликнула, и он отшатнулся, когда узнал ее голос. С того дня все и началось.

Он перестал любить ее как-то вдруг и сразу. И даже в темноте в постели не был прежним. Элеонора сначала растерялась, потом расстроилась, но, успокоившись, приняла твердое решение.

Она одна. Теперь она одна станет решать свои проблемы. И надеяться ей не на кого.

Встав со стула у зеркала с растрескавшейся амальгамой, Элеонора пошла в ванную. Долго холила свое тело массажной мочалкой и маслом. Тела под одеждой не было видно, и оно не выдало бы ее на людях. Потом вымыла голову, тщательно вытерлась и начала одеваться к ужину. Серж обещал сегодня заказать еду в ресторане.

– Сам заберу. Сам привезу, – отрапортовал он по телефону.

– С чего вдруг? – удивилась она.

Вообще-то Элеонора никогда не ела на ночь. Вообще ничего. После семи вечера только вода, и Серж об этом знал.

– Хочу праздника, милая. Нашего с тобой праздника. Давно никуда не выбирались. Давно не было как раньше.

Она хотела ему напомнить, что вместе они никогда и так не выбирались. Серж присутствовал на мероприятиях, которые она посещала вместе с мужем, но подойти не смел. Не смел даже с ней поздороваться. Они наблюдали друг за другом краем глаза, не более. Серж отчаянно ревновал. Нервничал. Она скучала.

Что в этом было хорошего? Зачем ему именно это «раньше»? Разве не хотели они нового будущего? Только их – без ее семьи, без его девушек. Без нервных тиков от мыслей, что их могут выследить. Да, ожидание будущего затянулось. Но это ведь не ее вина. Серж тянет с документами. Все, что ей нужно, это пересечь границу. Обо всем остальном она уже позаботилась. И как! Даже он не знает. Это был только ее секрет.

Голой она прошла в спальню квартиры, арендованной на ее новое имя. Хозяин умница не потребовал паспорта. Элеонора заподозрила, что тот сдавал квартиру, которую сам снимал. Больно вертясь был при встрече. В глаза не смотрел.

Плевать. Ей осталось жить в этих замечательно благоустроенных стенах не больше недели. Если Серж и дальше станет тянуть, она пересечет границу со своим паспортом. Задерживать ее не за что. Арестовывать тоже. Она забрала свое, и ее мужу об этом прекрасно известно. Иначе ей в затылок давно бы уже дышала полиция.

И шифруется она все больше из-за Сержа. Если их вместе увидят, от него ничего не останется, даже мокрого места. Женя ему не простит. Ей – возможно. Сержу – нет.

Элеонора открыла полированные дверцы белоснежного винтажного шкафа. Порылась в вещах. Достала длинное шелковое платье изумрудного цвета. Под него нашла шарф. Красиво обмотала им голову, чтобы не было видно волос нового отвратительного оттенка. Надела платье и села за туалетный столик перед зеркалом, которое намеренно состарили дизайнеры. Макияж занял чуть больше времени, чем прежде. Сегодня она хотела понравиться своему любовнику. Немного его побаловать.

Закончив с лицом, она пошла в просторную кухню. Выдвинула на середину круглый стол, накрыла его льняной скатертью, которую нашла в ящиках. Расставила тарелки, бокалы, разложила приборы. Посмотрела на часы. До приезда Сержа оставалось десять минут.

Элеонора вернулась в гостиную. Включила телевизор. Побродила по каналам. Нигде нет новостей о ней. Значит, Евгений по-прежнему считает ее живой и невредимой. Вероломной, но не мертвой. Она подергала плечами и потянулась к компьютеру.

С мужем ей было все более или менее понятно. Он поначалу пришел в бешенство. Потом успокоился, но не смирился. Он станет ее искать, но не привлекая лишнего шума. А дети? Что с ними? Скучают по ней, как она по ним? Ищут?

Под фальшивым ником Элеонора вошла в их любимые социальные сети. Почитала новости, которыми делились ее дети. Ничего нового. Ничего существенного. Все как вчера, позавчера, неделю и две назад. Сын о ней не вспоминал вообще, выкладывая фотографии своих пирушек или новых девочек. Дочь поначалу еще сокрушалась из-за вероломности матери, а теперь тоже о ней забыла. Новые парни, новые тачки. Женя перед ней всегда заискивал и сейчас не переставал баловать.

Как только в замке заворочался ключ, Элеонора выключила ноутбук, закрыла его и, грациозно поднявшись с кресла, пошла в прихожую.

– Привет, – улыбнулась она ему одними губами. – Что-то случилось?

Серж выглядел потерянным, съжившимся. Всегда аккуратно зачесанные волосы растрепались, свисая на лицо. На пиджаке меловые пятна.

– Ты упал? – Элеонора подошла, пытаясь заглянуть ему в глаза. – Серж?

– Нора... Прошу тебя, не надо! – Он взял ее руки, потянувшиеся к его лицу, и развел их в стороны. – Прошу тебя!

Его губы задрожали, глаза наполнились слезами.

– Что стряслось?

Она наклонилась и подняла пакеты с едой, которые он выронил, едва переступив порог.

– Я не могу так больше, – горестно прошептал Серж и сполз по стене на пол, безвольно вытянув ноги. – Все пропало, Нора! Все пропало!

Она не терпела мужских истерик. Женя не позволял себе слюней и соплей никогда. Скандал мог устроить, руки распустить, это да. Но чтобы слезы! Она и себе не давала подобных поблажек. Ее слез почти никто не видел.

Элеонора ушла на кухню и принялась доставать из пакетов еду. Всего было много, пахло вкусно, выглядело аппетитно. Но среди того, что она выкладывала на блюда и тарелки, не было ничего любимого ею. Она в принципе не ела на ночь. Но могла бы проглотить пару кусочков запеченных овощей и рыбы на пару. Сержу было об этом известно. А он словно нарочно набрал мяса, картошки, каких-то агрессивно пахнущих маринадов. И вина взял крепленого. Она его не пила. Никогда!

Последние приготовления к ужину проводились ею в легком раздражении. Потрачены деньги. Ее деньги, между прочим! Но не для нее. О чем он думал вообще? И чего там копаются? Застрял в ванной – Элеонора слышала шум воды, фырканье и странные стоны, словно ему было больно. И вдруг подумала, усаживаясь за стол: черт с ним, с Сержем! Пора заканчивать весь этот цирк. Парень свое отработал. Выходное пособие она загодя приготовила. Вот сегодня после ужина и сообщит ему о прощании.

Но Серж неожиданно ее опередил.

– Нора, нам надо расстаться, – произнес он невнятно, не поднимая глаз от тарелки, с которой только что смел почти все.

– Так... – Она опешила. – Объяснись.

– У меня была полиция! – Он поднял на нее красные от слез глаза.

Видимо, в ванной все же расплакался в полную силу, оттого так долго там и пробыл.

– Полиция? – Элеонора откинулась на спинку стула и задумалась.

Женя всерьез решил ее найти. Хочет вернуть деньги или так сильно переживает за нее? Неужели все же любит? По-своему, конечно, странно, но любит...

– Что хотела полиция?

– Они ищут тебя.

– Не прошло и двух месяцев. – Элеонора сдержанно улыбнулась. – В какой связи поиски? Хотят привлечь к ответственности или...

– Или! Твой муж написал заявление о твоём исчезновении.

– Упс-сс... – прошипела она и сощурилась. – Проняло-таки Женечку. Разволновался. Речь о деньгах шла?

– Почти нет, – подумав, ответил Серж. – Просто спросили, кто обслуживал тебя, когда ты получала деньги в нашем банке. Переговорили с девушкой-кассиром.

– Что она сообщила им?

– Я не знаю! – Лицо Сержа вдруг сделалось испуганным. – Эта кассирша... Она немного в меня влюблена. И что могла придумать, не знаю.

Элеонора погасила улыбку. Послушать Сержа: в него все были влюблены. Кто немного, кто серьезнее. Но теперь-то она знала, что единственным человеком, который любил его больше всех на свете, был он сам!

– А что она могла придумать? – решила уточнить Элеонора, хотя ей было все равно.

Она приняла решение. И изменить уже ничего невозможно.

– Ну... Что я помогал тебе. Скрыл от твоего мужа поступление денег на твой личный счет со счетов его фирмы.

– Ты не имел права разглашать. Тайна банковских вкладов у нас защищена законодательством.

– Ай, брось! – недовольно поморщился Серж. – У нас все защищено законодательством, а беззаконие на каждом шагу. Ко мне уже приходил этот чертов Коломов и бряцал оружием и...

– Серж, остановись, – попросила Элеонора с теми самыми властными нотками в голосе, которые заставляли заткнуться даже ее мужа.

– Что? – Он съежился на стуле, сделавшись похожим на нахохлившегося попугая.

От мужчины, из-за которого она потеряла голову, в нем не осталось ничего.

– Виталик Коломов всего лишь частный детектив с подмоченной репутацией... Странно, что Женька к нему обратился. Многим известно, что Виталик жульничает с клиентами.

– В смысле, жульничает?

– Обманывает. – Элеонора рассеянно отщипнула от виноградной грозди несколько ягод. – Моя хорошая знакомая рассказывала как-то, что Виталик изображает бурную деятельность, а на самом деле просто тянет время и деньги. Если бы он захотел, он бы нас с тобой нашел.

– Каким образом? – Серж сильно побледнел.

– Ну, ясно же, что в банке у меня был сообщник. Ребенку ясно! Странно, что Коломов не догадался проследить за каждым из сотрудников. Я бы так и сделала. А он нет.

– А если догадался? – просипел Серж.

– Если бы догадался, давно бы уже сдал нас с тобой Женьке.

– А Евгений Иванович... Он не догадался? – Серж принялся оттягивать воротник домашней трикотажной кофты, словно тот душил его.

– Евгений Иванович, мой дорогой Серж, прекрасно понимает, что те деньги, которые я выдернула из его бизнеса, мои. Сам бы он мне их никогда не отдал. И развода бы не дал. Я все сделала за него. Сама. Он злился, бесился, но понимал собственное бессилие. А то давно бы уже у отделения полиции гарцевал.

– А сейчас почему туда пошел?

– По-настоящему встревожился. Не из-за денег, – с тайной надеждой произнесла Элеонора. – А из-за того, что со мной могло что-то стрястись. Действительно страшное.

Она замолчала, уставив взгляд на черный квадрат незанавешенного окна, и задумалась.

А стоило оно того? Так ли уж необходимо было устраивать весь этот балаган с хищением денег со счетов фирмы и бегством? Может, стоило с ним договориться? Подать на развод, как подобает, и на раздел имущества. Может, стоило поступить как-то цивилизованно? Ответ всплыл немедленно.

С Женькой договориться было невозможно. Она уже пыталась восемь лет назад и очутилась на больничной койке в санатории. На принудительном лечении. Только санаторием его Женя называл для детей и друзей. На самом деле, это была самая настоящая психушка. Он приезжал каждый день и говорил одно и то же:

– Если еще раз надумаешь от меня уйти, сдохнешь, милая, на такой вот койке. Не знаю когда. Может, сразу, а может, лет до ста доживешь. Но на больничной койке.

Он наклонялся очень низко, дышал ей в лицо перегаром, облизывал ее рот и целовал его взасос. А она даже отодвинуться не могла. Была привязана.

– Так что хорошо подумай, прежде чем впредь надумаешь завести разговор о разводе...

Элеонора подумала. И вот она здесь: в чужой квартире, за чужим столом. С человеком, который оказался слабым звеном, и от которого ей надлежит теперь избавиться.

– Да, ты прав, Серж. Нам надо расстаться.

– Да. – Он жалко улыбнулся. – Прости, что не оправдал.

– Я приготовила тебе выходное пособие. В прихожей в шкафу в сумке.

Он не дослушал: бросился туда и стал рыться. Даже посчитал – банковский работник. Когда вернулся, Элеонора поняла, что суммой вознаграждения Серж доволен.

– Не рассчитывал. Спасибо, – пробормотал он, снова хватаясь за столовые приборы.

– Сейчас тебе лучше уйти. – Она брезгливо поморщилась. – И будь осторожен. Не сори деньгами и не открывай счетов. Они все будут дышать тебе в затылок. Прощай...

Глава 5

Семья ужинала молча. Отец – хмурый, трезвый ковырялся вилкой в тушеном мясе с овощами и без конца пил воду из высокого стеклянного стакана. Мясо было вкусным, мягким, просто таяло во рту, придраться было не к чему. А он не ел. Аппетита без спиртного нет, видимо. А чего не налил себе? Кто его мог ограничить без матери?

Эдик глянул в свою тарелку. Отец хотя бы делал вид, что ест, а он даже вилки не коснулся. Одна Эльза ела, как не в себя, уже дважды подкладывала. Эдик брезгливо поморщился. Сестра в последнее время прибавила в весе. Возможно, именно потому, что не контролировала аппетит. А может...

– Ты не беременна, Эльза? – прищурился он.

– С чего ты взял? – Она ответила, не поднимая взгляда от тарелки.

– Аппетит у тебя... Жрешь за двоих. Или за троих. Это если двойня. – Он хихикнул и покосился на отца, но тот не реагировал.

– Я не беременна, – тихо возмутилась Эльза и, оскалив забитый едой рот, просипела: – Придурок!

Эдик промолчал в ответ, но многозначительно поводит глазами и с такой скорбью принялся вздыхать, что проняло даже отца.

– Эльза, детка, если есть что-то, о чем нам надо знать, скажи это прямо сейчас, – глянул он на нее исподлобья.

– Ты о чем, Жень?

То, что она назвала отца по имени, означало, что она сердита и на него, и вообще на все. Эдик с отцом переглянулись.

Что с ней? Гормоны? Неприятности? Или все вместе?

– Я о том, дорогая, если ты беременна, то...

– Нет, я не беременна. Не надо повторять всякую чушь за этим придурком.

Она лягнула брата под столом.

– Тогда откуда такой аппетит?

Отец шире распахнул глаза, и в них забрезжила тревога. Самая настоящая. Неподдельная. Эльзу проняло. Она задумалась, принялась загибать пальцы и сверяться с чем-то в мобильном.

– Сама не знаю. – Ее гладкий лоб пошел морщинами. – Залета нет сто процентов. Наркотой не балуюсь, в отличие...

Брат ответил ей пинком под столом.

– А что такое, па?

– Надо сдать кровь. На глюкозу. – Отец отодвинул почти не тронутое мясо в сторону. – Твоя бабка по матери страдала сахарным диабетом. Вдруг это...

– Да брось, па! – Эльза неуверенно хохотнула. – Я и сахарный диабет? Что это вообще такое?

Эдик полез из-за стола, пользуясь диалогом, в котором не желал принимать участия. Здоровье сестры, равно как и остальных членов его семьи, его совершенно не трогало. Его беспокоили проблемы, которые нагрянули неожиданно и как-то вдруг.

Послезавтра истекает срок возврата долга, у него по нулям. Отец наложил запрет на все банковские операции фирмы, которую возглавлял Эдик. Это после того, как он по неосторожности и глупости отказал ему в деньгах, когда мать сбежала.

Сука! Эдик отчетливо скрипнул зубами, поднимаясь по лестнице на второй этаж, где располагались спальни.

Старая развратная сука! Променяла семью на какого-то мажора, альфонса! Вогнала их всех в депрессию, а Эдика вообще в долговую яму. Прежде отец никогда не следил за его делами. Раз в месяц проверял отчетность, и все. Теперь же он контролировал ежедневно: что, откуда, зачем...

Не простил. Так и не простил отказа в помощи. А он тоже хорош, взял и отцу отказал. Разве так можно? Ни прозорливости, ни дипломатии. Надо было просто пообещать и уйти от прямого ответа. А он...

– Сожалею, па... На счетах почти пусто, – соврал Эдик. – Закупка оборудования для нового филиала высосала почти все. Нет, у нас, конечно, есть дебиторские задолженности, и предостаточно. Но когда они придут?

Ох, сколько тогда выслушал Эдик о самом себе и о собственном неумении вести дела! И мурак он, и засранец, и голожопая тварь. Бизнес вести не может. Дебиторам поблажки давать нельзя, надрывался отец. На шею сядут. И вообще...

Тут-то Эдик и узнал, что на самом деле не является хозяином компании. Папаша лукавил, когда всем так говорил, и ему в том числе. Учредительные документы, которые Эдик-дурачок хранил в своем сейфе, на самом деле липа, а в Росреестре учредителем значится совсем другое лицо. И ему – лоху такому-то и такому – неплохо было бы для начала обо всем узнать и подстраховаться, прежде чем отцу отвечать отказом.

С того дня в жизни Эдика началась не просто черная, а иссиня-черная полоса. Отец следил за каждым его шагом. Контролировал его траты по банковской карте, чего не делал с шестнадцати лет. Наличных денег, которые Эдику были нужны на запретное, почти не осталось. Зато у мамыши был целый чемодан. Их общих денег!

– Старая сука! – снова скрипнул зубами Эдик.

Осторожно свесившись через чугунные перила лестницы, он глянул на отца и Эльзу. Они были заняты оживленной беседой. Отец даже принялся жестикулировать, чего давно не делал. После бегства матери он словно окаменел. Они заняты, сделал вывод Эдик и свернул к спальне сестры.

У Эльзы не был перекрыт источник доходов. Отец исправно пополнял ее банковскую карту. Безлимитный счет он ей все же поостерегся открывать.

– Слишком много соблазнов, – туманно пояснил он сыну. – Не выдержит.

Эдик не стал тогда его допрашивать, но мысленно позлорадствовал. Невзирая на острую любовь к дочери, доверять ей отец все же опасается.

Эльзе денег хватало и даже оставалось. А отец еще давал ей наличные на тот случай, когда счет нельзя было светить. Вот за ними-то Эдик и сунулся в ее комнату.

Вообще-то у каждого из них было по квартире в городе. Они прежде там и жили, чтобы не раздражать вечно недовольную мать. Эдика, между прочим, это очень даже устраивало. Это Эльза все за мамин подол держалась, а он давно этим не страдал. Лет с десяти, наверное. Подрастая, вообще заподозрил, что не родной им. Слишком велик был контраст в отношении родителей к сестре и к нему. Года два он считал себя подкидышем. Потом, когда появились личные деньги, сдал анализы, выкрав из расчесок родителей по волоску.

Удивительно, но родство подтвердилось. Они на сто процентов отец, мать и сын. И если холодность отца Эдик еще мог объяснить: мужик мужика иначе воспитывать не должен – то матери ее отчужденности простить не смог.

Они отдалялись год за годом. В последнее время двух слов могли за месяц не сказать друг другу. Мать никогда не звонила ему первой, не проявляла элементарного беспокойства. Если звонил он, говорила односложно, задавала вопросы без интереса.

Однажды утром, когда его особенно остро ломало, а на покупку дозы не было сил, он вдруг расплакался и принялся в полный голос проклинать мать. Ему неожиданно сделалось легче, он уснул и проспал почти сутки. А пробудившись, ощутил себя живым и самостоятель-

ным. Понял как-то вдруг и сразу, что теперь за его жизнь никто не несет ответственности, раз за нее некому беспокоиться. Это только его забота.

Он стал разборчивее во всем: в связях, в дозах, в препаратах. Отец, присмотревшись к нему, заметил перемены и якобы подарил ему фирму. Старый мудака! Ну, ничего. Он и с этим справится. Главное, переждать и денег перехватить. А чтобы окончательно не увязнуть в долгах, сделать это так, чтобы не было необходимости их отдавать. Вообще! То есть он должен взять их у Эльзы. Попросту украсть. Ничего, переживет.

Эдик не был уверен, что Эльза держит наличные в своей комнате. Она запросто могла хранить их и в квартире, но...

Поразмыслив, Эдик все же решил, что деньги у нее здесь. В квартире часто бывает слишком много чужих людей. Эльза бывало пьяной отключалась. И эти люди могли шарить по ее шкафам и полкам. Это риск быть обворованной. А Эльза рисковать не любила. В чем-чем, но не в деньгах. Она им счет вела.

Деньги точно здесь!

Эдик начал с выдвижных ящиков. Их он насчитал двадцать четыре штуки. Комоды, шкафы, туалетный столик, тумбочки возле кровати. Везде выдвижные ящики! Он осторожно выдвигал, быстро шарил, задвигал обратно. Какого только добра не напихала туда Эльза! И колготки вперемешку с лифчиками и трусами. И глянцевые журналы. Горы, просто горы косметики. Пледы, кофточки, джинсы. Всякого дерьма в двадцати двух ящиках, на помойку не сносить за неделю! Двадцать третий ящик был полон всяких фотографий, распечатанных еще в детстве.

Эдик покосился на верхний снимок, где Эльза в костюме Мальвины плачет у елки в гостиной. Неожиданно вспомнил, что это он довел сестру до слез, сожрав половину конфет из ее подарка. Ящик он не задвинул и перешел к последнему.

Там были лекарства, и неожиданно все было уложено аккуратно. В одной стороне таблетки, в другой – всевозможные пузырьки с микстурами, а также большая коробочка с ампулами. Название показалось ему знакомым, но он точно не мог вспомнить, что это за препарат. И шприцы. Много одноразовых тонких шприцов, достаточно дорогих. Он в этом толк знал.

Эдик вытащил длинную упаковку гармошкой и недоуменно вытаращился.

Что он пропустил? Эльза колется? Но нет... не может быть! Она презирает наркотики. Его контролирует. Даже в какой-то момент поддержала, не позволив сползти в черную яму, откуда бы ему точно не выбраться.

Не выпуская из рук упаковку со шприцами, он залез в дальний угол ящика и нашел, наконец, то, зачем сюда пришел. Деньги! Доллары. Не мало. Скручены катушкой и перетянуты резинкой. Эдик быстро сунул их в глубокий карман спортивных штанов. Швырнул обратно шприцы, задвинул ящик, и вовремя. Дверная ручка начала опускаться. Эльза входила в комнату.

– Что ты здесь делаешь? – вытаращилась она на брата, сидевшего на ее кровати в куче фотографий, которые он высыпал из ящика. – Эдик?

– Ты тут такая... Несчастливая! – Он помотал в воздухе фото в костюме Мальвины. – Я слопал тогда твои конфеты, и ты дико расстроилась.

– Помню, – буркнула она, не сводя с него подозрительного взгляда. – Чего это тебя так проняло? Зачем ты здесь вообще?

– Поговорить надо. При отце не хочу. Это касается только нас с тобой. – Он принялся сочинять на ходу.

– Говори.

Она схватила пустой ящик, стоявший у его ног, и принялась складывать туда рассыпанные фотографии.

– Эльза, мне тридцать. Тебе двадцать восемь.

– Да ладно! – криво ухмыльнулась она. – Зашел напомнить?

– Я не об этом. Нам с тобой давно пора перерезать финансовую пуповину, связывающую нас с отцом. Пора! Давно! – Он с силой ударил кулаками по ее кровати. – Мы слишком зависимы.

– Я нет, – опротестовала Эльза, тряхнув головой.

– Мы слишком уязвимы, – не стал спорить Эдик.

Ему надо было быстрее выбираться из ее комнаты, пока сестра не обнаружила пропажу денег и не закатила истерику. Но подниматься с кровати лучше, когда она отвернется. Плотный валик из долларов будет замечен в его трикотажном кармане.

– Уязвимы? – Сестра с интересом приподняла бровь и присела на прикроватную тумбочку. – Что ты имеешь в виду?

– Мать нас бросила. Своровала все деньги и укатила куда-то с любовником. Ее даже не озаботил тот факт, что мы с тобой можем остаться нищими! Отец меня кинул. Обещал подарить фирму, а на деле... Сама знаешь. А ты?

– Что я?

– С тобой дела обстоят не лучше. У меня хотя бы зарплата, а у тебя только подачки от папы. Завтра папа со своей любовницей захочет сбежать, и что? У меня хотя бы зарплата на фирме, – повторился Эдик, заметив, что сестра призадумалась. – А у тебя? Квартира в центре Москвы? Так ее содержать надо. Платить коммуналку, за уборку и прочее. Работать пойдешь?

– Я?! – отшатнулась в ужасе Эльза. – Кем?

– Вот именно! – поиграл бровями Эдик.

Сестру, кажется, проняло. Она опустила голову и задумалась, покусывая губы. Потом глянула на него с интересом и спросила:

– Что ты предлагаешь? Каким образом мы перережем эту финансовую пуповину? Как станем избавляться от зависимости?

– Резко и сразу не получится.

Эдик тяжело вздохнул, вспомнив о своем пристрастии, но тут же встряхнулся.

– Нам надо найти мать и потребовать свою долю. Какого хрена она все заграбастала? – Он глянул на сестру с обидой. – Даже о нас не подумала!

– Идея неплохая, – неожиданно поддержала его Эльза. – Но где? Частный детектив не справился. Отец написал заявление в полицию, и тоже тишина.

– Отец написал заявление? – изумленно округлил глаза он. – А я не знал.

– Только что признался мне. Переживает...

– Переживает... Переживет... У него средства есть. Он всегда выплывет. А вот мы с тобой...

Эдик заерзал задом на жестком матрасе. Ему пора было сваливать. Эльза могла заметить тугой денежный рулончик. Если отберет, он точно не выкрутится.

– А мы с тобой что? – заинтересованно отозвалась она.

– Пойдем дальше, чем частный детектив и полиция. Мы точно найдем ее, сестренка.

– Интересно где! – фыркнула она, недоверчиво покосившись на него.

– Где – не знаю. Зато знаю, с чего начать! – Эдик ловко соскочил с ее кровати, сразу сунув кулак в оттопыренный карман, и пошел к двери, на ходу рассуждая: – Мать не смогла бы все это провернуть в одиночку. Тут я с частным детективом согласен на все сто. У нее был сообщник или любовник. Или и то и другое в одном лице. Найдем его – найдем мать.

Глава 6

– Здравствуйте, Алла.

В окошко кассы сунулась голубоглазая физиономия полицейского, который уже беседовал с ней. Она уже рассказала ему, что могла, и он был очень опасен, невзирая на его улыбочки.

Внутренне подбираясь, Алла приветливо улыбнулась в ответ и пробормотала:

– Здравсте.

– Вы могли бы мне уделить еще несколько минут вашего драгоценного времени?

– Простите, но никак не могу. – Она слегка приподняла и опустила узкие плечики. – У меня отчет по кассе. Надо в течение часа все сделать.

Она искренне надеялась, что противный полицейский ни за что не станет ждать час. У них со временем всегда беда, вечно торопятся и не успевают.

Но Алла ошиблась. Капитан Галкин еще более лучезарно улыбнулся ей и пообещал подождать.

– Пойду пока с Прониным вашим пообщаюсь.

Капитан уже отошел от перегородки из пуленепробиваемого стекла, когда Алла крикнула ему в спину:

– А Сергея Алексеевича сегодня нет.

– Да?

Галкин резко встал, обернулся и сделал изумленное лицо. Алла сразу поняла, что лицедействует. Наверняка пришел к ней от кабинета Сережи. Подергал дверь, а там заперто. Справился у коллег, они и сказали. Алла уже прошла весь этот путь. Наверняка и Галкин тоже. А морду корчит, изображая удивление.

– А что случилось? – Он вернулся к кассе и снова сунулся в окошко.

– Я не знаю.

Она досадливо поморщилась и принялась усиленно изображать занятость. Бумаги перебирала, с калькулятором без особой нужды работала. Известно, что все программы сейчас в компьютере. Там и подсчет ведется и отчет. Но Алла делала вид, что работает и у нее не все получается.

– А мы могли бы ему позвонить? Скажем, с вашего телефона? – Он смотрел на нее пытливо, противно.

– Зачем? У нас так не принято. Я кассир. Он начальник отдела, – ответила она и не соврала.

– Под мою ответственность. – Он приложил к груди руку. – Или дайте мне его номер, чтобы я позвонил ему со своего.

Алла задумалась. Дать телефон Сережи, конечно же, можно. Но он не ответит на вызов с незнакомого номера. Точно не ответит. Такая у него принципиальная позиция. И не у него одного. С другой стороны, у нее появилась прекрасная возможность позвонить ему. Появится ли она еще или нет, кто знает!

– Хорошо, я наберу.

Она достала телефон. Нашла его номер. Набрала. Гудки шли, Сережа не отвечал. И это было странно. Он видел, что звонок от сотрудника банка. Знал, что ее позавчера допрашивала полиция, и сам приставал потом с расспросами. Просил держать его в курсе подобных разговоров. Она как раз по этому поводу и звонит ему.

Ну... Ну, может, еще немного потому, что хочет услышать его голос.

Она набрала его трижды. Он не ответил. Тогда Алла позвонила в секретариат и узнала, что Сережа никому не звонил и не предупреждал, что не приедет на работу.

– Ни про какие больничные ничего не знаю, Аллочка, – зевнула секретарь Влада.

Она постоянно зевает в трубку, раздраженно подумала Алла. Словно ночью вахту несет на воротах. Некрасиво же и неблагозвучно.

– Надо ехать к нему, Алла, – наморщил лоб капитан Галкин. – Составите мне компанию? Я адреса не знаю.

Узнать он мог у той же Влады. Это очередная уловка заполучить ее в собеседницы на то время, что они будут ехать, и выведать какие-нибудь секреты про Сережу. Алла сама мало что знала. А о чем знала, рассказывать не могла. Не имела права. Это могло навредить Сереже. А вредить ему она не собиралась. Она собиралась завести с ним отношения, когда он отделается от противной старой пиявки!

– Я на работе. – Она растерянно повела вокруг руками. – И не могу закрыть кассу.

– В обеденный перерыв. А? Как думаете, успеем?

Конечно, они успели бы съездить туда и обратно пару раз. Сережа жил совсем близко от банка. Специально нашел себе квартиру по соседству, чтобы не тратить время на дорогу. Только в этой квартире он стал появляться очень редко. Окна почти все время были темными.

– Хорошо. В обеденный перерыв. Станете ждать? – усомнилась она.

– Стану. У меня дел много по соседству. Фирма Суворова... Слышали о такой?

Внутри у нее все сжалось и замерзло, как перед болезненной процедурой в медицинском кабинете.

– Слышала. Обедаю в кафе, которое им принадлежит. В их же здании. – Алла не стала ничего выдумывать и холодно улыбнулась. – И да, раз уж вы меня оставляете без обеда, захватите что-нибудь перекусить...

Галкин оказался не жадным: купил ей полноценный обед в контейнерах. Она все оставила в столе. Аппетита не было, потому что не было Сережи. А он должен быть, должен! Никогда не прогуливал, даже не болел. На работу всегда ходил и с насморком, и с температурой.

С ним что-то случилось нехорошее. Она это чувствовала ноющим от безответной любви сердцем. Всей своей страдавшей душой. Не надо было ему связываться с той важной клиенткой, с которой он запирался в кабинете и подолгу разговаривал. Из-за нее потом повадился к ним в банк частный детектив, а теперь и полиция нагрязнула.

Алла почти ничего не знала, но кое-что подслушала, прислонив ухо к запертой двери Сережиного кабинета. И теперь могла лишь догадываться, во что тот влип. Но рассказывать об этом она не станет.

Ни за что! Никогда! Никому! Ее домыслы и предчувствия так и останутся с ней. Поделиться она сможет лишь с Сережей, и то, если он ее об этом когда-нибудь спросит.

– Едем?

Капитан приглашающим жестом указал на свою машину. Алла согласно кивнула и уехала сзади, за водительским креслом. Очень ей не хотелось участвовать в душевных разговорах, намеченных Галкиным.

– Он ведь нравится вам, Алла, – неожиданно произнес капитан, стоило им отъехать от банка. – Я вижу. У меня на такие дела нюх.

– На какие такие дела? – неуверенно возмутилась она.

– Амурные. – Он глупо, как ей показалось, хохотнул. – Любовные то есть.

– У нас с Сергеем Алексеевичем нет и не может быть никаких амурных дел. Любовных, – поправила она и добавила: – Мы просто коллеги. Но скрывать не стану: он мне симпатичен. Да он всем симпатичен. Он хороший.

Больше она не произнесла ни слова до самого дома Сергея. Галкин провоцировал ее какими-то историями из своей практики, делился личным опытом. Алла его попыток не оценила и упрямо молчала. Взгляд ее был прикован к пейзажу, проплывающему за окном автомобиля.

Май заканчивался агрессивной жарой. Сады быстро зацвели и так же быстро облетели. На рынке уже всюю торговали июньскими пионами. Она планировала сегодня вечером купить букет и завтра принести на работу, поставить в каше. Знала, что розовый цвет оттенит ее бледность, сделает чуть привлекательнее. Алла надеялась, что Сергей это заметит.

А он сегодня не пришел. Придет ли завтра?

– Куда теперь?

Галкин остановил машину под аркой и обернулся к ней.

– К газетному киоску. За ним его подъезд, – произнесла Алла и тут же покраснела.

Вообще-то она не должна знать, где живет Сергей. Он никогда не приглашал ее в гости, а она не напрашивалась. Пару раз ездила за ним с работы и увидела, как он входит в подъезд. В последнее время часто проезжала мимо его дома и смотрела на окна Сергея.

Но Галкину об этом знать совсем не обязательно. Она просто знала, и все.

– А стоянка где? – покрутил головой Галкин, подъехав к нужному месту.

– Левее. За теми кустами, – указала она на жасминовые заросли.

Галкин медленно поехал. Потом долго парковался, выбирая место.

– Его машина на стоянке. – Алла решительно открыла пассажирскую дверь. – Значит, он дома.

– Ждите меня, – неожиданно строго потребовал Галкин, уставившись на Серезину машину. – Прямо здесь ждите.

Алла послушно встала у переднего бампера. Надела солнцезащитные очки и сквозь темные стекла принялась наблюдать, как капитан неторопливо идет к автомобилю. Обходит его по кругу несколько раз, а потом открывает водительскую дверь.

Открывает? Почему... Почему машина не на сигнализации? Сереза где-то рядом? Отошел за газетами? Ой, ну что за чушь лезет в голову! Станет он читать бумажные издания, как же!

Мелкими семенящими шагами она пошла в сторону капитана Галкина, отдающего по телефону какие-то распоряжения.

– Я же сказал, оставаться на месте, – грубо крикнул он, заметив ее перемещения. И снова бросил в телефон: – Я не тебе...

Алла снова ослушалась и продолжила идти. Противное предчувствие, глодавшее ее еще с самого утра, сдавило грудь костлявыми жесткими пальцами.

Нет, нет, нет... С ним все хорошо. Машина открыта потому, что кто-то взломал замки, отключил сигнализацию. Сереза дома и ни о чем таком не подозревает. А капитан Галкин сейчас говорит по телефону именно с ним и рассказывает о факте вандализма.

– Алла, ну зачем вы здесь? – раздраженно глянул в ее сторону Галкин и тут же махнул на нее рукой. – Как будет угодно, только ни к чему не прикасайтесь.

Она обошла его справа, вытянула шею в сторону открытой водительской двери и тут же испуганно отшатнулась. Нога! Серезина нога стояла рядом с педалью тормоза. Его ботинок, штанина – в этом костюме он был вчера на работе.

Он что же, уснул в машине? Но почему до сих пор спит? И зачем тогда вся эта суета, устроенная Галкиным? Не проще было просто толкнуть Сергея и разбудить?

– Дура! – горестно прошептала она, зажмуриваясь. – Какая же ты дура, Аллочка!..

– Что вы там шепчете, Алла?

Капитан Галкин встал перед ней, загораживая распахнутую водительскую дверь Серезиной машины. Он был широкоплечим и смог закрыть от нее то ужасное, во что ей до обморока не хотелось верить.

– Он... – Ее губы затряслись. – Он умер?

– Да. Сергей Пронин мертв. Думаю, уже часов десять, судя по окоченению трупа.

Он еле успел ее подхватить, чтобы она не грохнулась на землю.

– Зачем вы так?! – ахнула она шепотом. – Окоченению! Труп! Это так... Так гадко!

– Но это правда. – Он слегка тряхнул ее и повел к своей машине. – Жестко, но правда. И я велел вам оставаться здесь. Зачем вы подошли? Не справились с любопытством?

– Нет. Не было никакого любопытства. Только тревога.

Каждое слово сопровождалось шипящим шлейфом, как будто кто-то выпускал из нее последний воздух, чтобы она вместе с Сережей перестала дышать. Только теперь, когда его не стало, она поняла, насколько сильно была влюблена в него.

– Я... Я любила его. Очень любила! – неожиданно призналась Алла. – И тревожилась сегодня все утро. Он не пришел на работу, и это было на него не похоже. И он так сильно нервничал в последние дни...

– Я это заметил, – согласно кивнул Галкин, усаживая ее на заднее сиденье своей машины. – Мы говорили с ним вчера.

– Я помню. – Алла кивнула и вдруг вцепилась в его руку, уставившись сухими глазами: – Скажите... Это сердечный приступ? От волнения? Как он умер?

– Я не знаю. Видимых следов повреждения при поверхностном осмотре не обнаружено. Галкин точь-в-точь повторил то, что говорил кому-то по телефону.

– Это может быть смерть по естественным причинам. – И снова он повторялся.

– Так странно, – эхом откликнулась Алла, осторожно выглядывая из-за плеча капитана. – Молодой. Здоровый. И внезапно умер.

– Так бывает.

Галкин тут же отвлекся. К стоянке подкатила служебная машина. Из нее полезли люди в штатском. Сразу трое. Среди них высокая худощавая женщина с короткой стрижкой. Алла нашла ее неприлично красивой для такой работы. Для сериала про полицию – да, подходит. Но для жизненных реалий с ощупыванием неживого тела – нет. Кто она? Зачем тут? Может, это очередная женщина Сергея? Он любил дам постарше. Эта была как раз из таких: возрастных, красивых, самодостаточных.

Сергея выволокли из машины и уложили на черный пластиковый мешок. Задрали на нем пиджак и рубашку, штаны спустили. Алла закусила губу, чтобы не заорать на варваров. Мужчина с чемоданчиком принялся его осматривать и что-то говорить вполголоса красивой женщине средних лет. Она молча слушала и кивала каждому его слову. Когда он замолчал, тело Сергея запаковали и увезли уже на другой машине, что подъехала минуты три назад. А красивая женщина с тревогой глянула на Галкина и отчетливо произнесла:

– Ну, вот и началось. Именно этого-то я и боялась.

Глава 7

Виталик медленно выбрался из-под одеяла. С утра он ненавидел резкие движения, громкие звуки, яркие краски. Он медленно пробуждался, то открывал глаза, то снова погружался в дремоту. Когда спать уже совершенно не хотелось, вставал и осторожной поступью, словно боялся поскользнуться и упасть, шел в ванную.

Он долго стоял под горячим душем. Кожа краснела и ныла от горячей воды, но он никогда не делал холоднее. Чистил зубы. Ждал, когда отпотеет зеркало над раковиной, и аккуратно причесывался. Он не сушил волосы феном: это вредило коже головы. Стоило раз включить фен, как на следующий день перхоть усыпала воротник. Только полотенце и расческа с редкими зубьями. Еще минута уходила на то, чтобы осмотреть себя и удостовериться, что за ночь с ним ничего не произошло. Никаких изменений ни в одну сторону: ни в хорошую, ни в плохую. Он по-прежнему безлик.

Да. Это было его отличительной чертой. Незапоминающееся лицо, словно полустертый рисунок. По молодости он расстраивался, когда девушки на втором свидании его не узнавали, но смирился. Потом был рад. Особенно сейчас, когда он затеял частную розыскную деятельность.

Виталик мог часами ходить вокруг объекта, а тот на него внимания не обращал. Мог сидеть с телефоном и делать вид, что с кем-то переписывается, а на самом деле фотографировал. Внимания ноль. Никто не обращал внимания на высокого, среднего телосложения мужчину.

Это помогало в деле и мешало в личной жизни. Но Виталик привык. Он смирился.

При этом он не был несимпатичным. Когда говорил и улыбался, девушки буквально им любовались. И его бывшая жена тоже. Но когда замолкал...

– Тебе надо чаще улыбаться, чтобы нравиться людям, – посоветовала его жена перед расставанием.

Он нравиться людям не хотел. Его устраивало то, что он незаметен. Особенно теперь, когда он ввязался в историю со сбежавшей женой Евгения Суворова.

На первый взгляд выглядело все банально. Есть муж, и есть жена. Прожили долго, заскучили. Она нашла себе утеху на стороне. Наверняка кого-то моложе мужа и ее самой. Жигало нашелся, но вдруг стал капризен. Потребовал денег. А где их взять? Украсть у мужа, конечно же. Сам же он на такие мероприятия не даст. А как украсть?

Виталик застыл у холодильника с бутылкой диетического молока. Задумался, сильно наморщив лоб.

Сколько раз он доходил мыслями до этого места и спотыкался? Раз десять, наверное. И каждый раз ему в голову лезли мысли о том, что в банке у сбежавшей жены сто процентов был сообщник. Но кто? Виталик перебрал всех сотрудников, отследил маршруты каждого и не нашел подвоха. Не выявил соучастника.

Один парень, правда, дольше всех был у него под подозрением. Некто Пронин Сергей. Ездил за ним Виталик дольше, чем за всеми остальными сотрудниками, но все же сдался. Этот Пронин имел отношения с милой красивой девушкой. Проводил с ней почти каждый вечер, а потом возвращался в свою квартиру, которую арендовал рядом с банком. Вся его жизнь была безупречна. На горизонте не имелось даже тени сбежавшей Элеоноры Суворовой. Пронин не был ее любовником.

А Виталик был уверен, что помогал Элеоноре именно человек, которого она соблазнила. Любовник и сообщник в одном лице. Если это два разных человека, то она просто дура. Так рисковать!

Но душой Виталик ее не считал. Мадам спряталась так, что найти ее не могут уже второй месяц. Конечно, она могла давно уехать из города. Но куда и как? У него нет информации, что она покупала билеты на какой бы то ни было вид транспорта.

Он слукавил, докладывая Суворову о том, что снабдил железнодорожные и авиакассы портретами его сбежавшей супруги. Нет, конечно. Кто бы стал его слушать и принимать ориентировки? Самодеятельность, конечно. Вежливо послали бы, и только.

Нет. Этого не было. Имелась шпионская программа, которую Виталик пару лет назад купил и установил на своем компьютере. Она-то и вела суточный контроль. Но пока безрезультатно.

Суворова в городе. Автостопом она не поехала бы. С такими-то деньгами! И билетов никуда под своим именем не покупала. А если не под своим? Снова на повестке дня вопрос о сообщнике. Или она заранее все продумала и сделала себе липовый паспорт. Тогда она должна была поработать над внешностью. Основательно! А Виталик считал, что внешность Элеонора под нож не кинет. Если только на грим решится. Еще парик, смена походки.

Он налил себе полный стакан диетического молока, достал из хлебницы черствую булку. Это все, что он мог себе позволить на завтрак, чтобы не быть голодным и стремительно не прибавлять в весе, к чему у него была склонность.

Итак...

Если Суворова в городе, то у него есть шанс ее отыскать. Если она, сменив имидж, уехала, то шансы у всех равны нулю. Может только в другом городе засветиться каким-нибудь образом.

Виталик с трудом проглотил черствый комочек булки и задал себе тот самый вопрос, который клевал ему темя уже неделю и который он всячески гнал от себя.

Зачем? Что его так зацепило в этом безнадежном – а он был уверен, что это именно так – деле?

И все же честно ответил себе: деньги! Его манили деньги. Очень много денег, которые умыкнула у своего мужа Элеонора Суворова. Подсчитав как-то навскидку, Виталик сделал вывод: если он найдет ее и заставит с ним поделиться, то даже тридцать процентов от суммы ему хватит на годы. А уж если он припрет ее угрозами и оттяпает половину, то...

Шум за окном приостановил плавное течение его корыстных мыслей. Виталик со вздохом глянул на первые капли майского дождя на стекле. Ну что опять-то?! На город надвигалась гроза. Сизыми тучами заволочло половину неба. Те, что немного светлее и уже висели над его домом, скупо плакали мелкими каплями. Предупредительный рокот далекого грома. Огненный зигзаг, вспоровший плотные облака ровно посередине. Если он хочет добежать до машины и не вымокнуть, надо поторопиться.

Виталик поставил стакан из-под молока в раковину, стряхнул крошки с салфетки, которой вытер стол. На то, чтобы одеться, у него ушло пять минут. Через восемь он выходил на улицу. Быстрым шагом двинулся к стоянке, на ходу снимая машину с сигнализации. Уселся на водительское сиденье как раз вовремя. Дождь хлынул на землю таким мощным потоком, что казалось, его машина плывет, а не едет. На шоссе тут же образовалась пробка, но Виталика это не расстроило. У него не было неотложных дел. Лишь неотложные размышления, которым предаваться лучше всего, замерев в длинном ряду сердито сигналивших автомобилей.

С чего ему следует начать? С того, с чего он начал, получив аванс от Суворова. А именно: с визита в тот самый банк, где Элеонора обналичила средства со своего счета. Там он поговорит с кассиром. Милая, тихая девушка, на которую никто не обращает внимания, но она, как правило, замечает все. Он таких серых мышек знал в юности. И часто потом им удивлялся.

Далее...

Постараться вновь napроситься на кофе к милому симпатичному парню, которого Виталик больше всех подозревал в связи с Суворовой. Тот наверняка уже пообщался с полицией,

и ему весьма неуютно. Вполне возможно, с частным детективом он станет более откровенен, чем прежде. Хлипкая, но ниточка.

А если...

Если Пронин откажется с ним говорить, Виталик тайно навестит его девушку и постарается разговорить уже ее. Он знает, где она живет и сколько раз за последний месяц она изменила Пронину. Это станет одним из рычагов давления.

И как-то надо попасть в квартиру Пронина, когда он на работе. Пока полиция не решила сделать в его квартире обыск, Виталик должен туда наведаться.

Час в пробке позволил ему выработать неплохую стратегию. Виталик повеселел и даже позволил себе съесть шоколадный батончик. Заслужил! К банку он подъехал, когда дождь почти прекратился. Где-то далеко за высотными зданиями еще угрожающе погромыхивало, но с неба почти не лило.

– Здравствуйте. – Ему пришлось немного пригнуться, чтобы как следует рассмотреть бледное лицо кассирши. – Вы меня помните? Визитка нужна?

– Нет, не нужна. Помню.

Девушка тут же уткнулась в бумаги, изображая занятость. Старый прием. Он сам им неоднократно пользовался.

– Простите, Алла, кажется?

Виталик широко улыбнулся и тут же поймал ее удивленный взгляд. Да, да, он симпатичен и, улыбнувшись, сделал исключение ради нее и ради дела.

– Алла. – Она кивнула и слабо улыбнулась в ответ. – Но мне вам совершенно нечего рассказать нового.

– Я помню. Деньги были заказаны заранее. Вы их собирали пару дней. Потом госпожа Суворова пришла в кассу с дорожным чемоданом. Сложила всю наличность и ушла.

– Все так.

– Все так именно и было, а прежде? – Виталик не переставал улыбаться. – Она ведь открывала здесь счет, так? Когда?

– Я говорила, – неуверенно произнесла девушка.

– А вот и нет.

Он тихо рассмеялся, сделавшись совершенным душкой, достал пятитысячную купюру и просунул ее в окошко кассы.

– Это за услуги, Алла. За помощь следствию, которое я веду в частном порядке. С полицией так не поговорите. Со мной можно.

– Как так? – Она не смотрела на деньги.

– Доверительно, необременительно и без последствий. Я же вижу, вас что-то гложет, – произнес он наобум и по ее заблестевшим глазам понял, что попал в точку. – Вы встревожены. Откровенничать под протокол опасно. Потом суды, очные ставки и так далее и тому подобное. А со мной...

От того, с какой силой он снова растянул рот в улыбке, у Виталика заныло за ушами.

– Хорошо, – кивнула Алла, и купюра исчезла. – Что конкретно вас интересует?

– С кем, кроме вас и Пронина, общалась Элеонора Суворова?

Прежде никто ему на этот вопрос не ответил.

– Ни с кем. Только с Сережей. Они запирались в его кабинете и подолгу говорили. Ну и со мной, когда я выдавала наличные средства.

– О как! – выкатил глаза Виталик.

Сережа, стало быть. Пронин. Недаром он был у него под подозрением. Сообщник, значит...

– Сережа открывал ей счет, контролировал поступления. Он сам мне говорил. Потом принес бумагу на то, что клиентка хочет обналичить средства. Она была за подписью управляющего банком.

– Элеонора как себя вела, когда деньги складывала? Кстати, почему чемодан?

– Купюры мелкого номинала, поэтому их было много. И это не требование клиентки. Просто так получилось, – со вздохом произнесла Алла и нетерпеливо глянула на часы. – Вы простите, но мне надо работать.

– Спасибо, Алла. Спасибо. – Он сделал пару шагов назад, продолжая скалиться в улыбке. – И... И последний вопрос: как мне найти Сергея? Его кабинет заперт, а поговорить с ним просто необходимо.

– Боюсь, у вас ничего не получится. – Углы ее блеклого рта опустились. – Сережа умер. Вчера утром его тело было обнаружено в машине. Припарковался, а выйти уже не смог. Умер.

Он подождал, когда она прекратит всхлипывать, и спросил:

– Умер или убили?

– Умер. Полиция говорит, что смерть наступила по естественным причинам. Тромб оторвался.

Виталик кивнул и ушел. Все ее дальнейшие слова будут бесполезны и пусты. Только лишь собьют его с пути истинного, который у него молниеносно выстроился.

Первым делом надо навестить девушку Сергея. Потом всеми правдами и неправдами попасть в его съемную квартиру. Конечно, полиция там уже побывала, но он знает, насколько обыски могут быть поверхностными. Особенно когда смерть наступила по естественным причинам.

Глава 8

Он третий день в Москве, а дело ни с места.

Борис нервно повел подбородком, и в шее тут же хрустнуло, отдаваясь болью в ухе – последствия пулевого ранения в левое плечо. Это не пройдет никогда, как сказал хирург, который его штопал. Задет какой-то нерв.

– С этим жить тебе, парень, до самой смерти.

Хирург закатил глаза, намекая на долгую жизнь с мучительным недугом. Но не знал человеческий штопальщик, что жизнь Бориса могла быть как долгой, так и не очень и закончиться в любую минуту.

– Ты, Борис, все время находишься в переходном периоде, – укоризненно качал головой его хозяин. – С этого света на тот. Так нельзя!

– Риск оправдан, хозяин, – вежливо улыбался заботе Борис. И важно добавлял: – Оправдан результатом.

Седая голова Андрея запрокидывалась, и тот звучно хохотал. Он любил краткие изречения своего главного помощника. Находил их искрометными и правильными. Уверял, что умнее Бориса никто не скажет. И задание лучше его никто не выполнит.

Сегодняшнее дело, поначалу показавшееся Борису совершенно пустяковым, вдруг стало досаждать ему. Раздражать.

Во-первых, третий день он ждал, потому что ничего не происходило.

Во-вторых, его клиент, с которым он должен был пообщаться, не выходил на связь. А его контактов у Бориса не имелось. Тот сам обязан с ним связаться. Запрашивать их у Андрея нельзя. Это значило расписаться в собственной слабости и неумении решить вопрос на месте.

А в-третьих, ему пришлось съехать из гостиницы и снять себе квартиру, потому что расходы зашкаливали. Он никогда не думал, что номер в Москве может так дорого стоить. И не представлял, что услуга гостиницы может быть настолько любопытной.

Внимание персонала было ему ни к чему. Он нашел по объявлению однокомнатную квартиру возле метро и оплатил за месяц вперед. По-другому вселять его не пожелали.

– Морда у тебя, парень, больно бандитская, – досадливо качал головой пожилой мужик, хозяин квартиры. – Не поселил бы ни в жизнь, если бы не обстоятельства.

Под обстоятельствами подразумевалось отсутствие плиты, стиральной машинки и телевизора. Борис безо всего этого мог прожить, люди семейные – нет.

Он тут же нашел по соседству вполне приличную прачечную. Так, на всякий случай. Если его ожидание затянется еще на несколько дней. Через дорогу хорошее кафе с вкусной едой и большими порциями. Ну а телевизор он вообще не любил. Не смотрел его почти никогда. Если только требовалось для дела.

Он еще раз осторожно повел шеей, прислушиваясь к боли в ухе. Будто стала тупее, не так досаждала. Покосился на мобильник на подоконнике – тот, что ему вручил хозяин, с московской симкой.

– Тебе позвонят, – инструктировал он Бориса на родине. – Назначат встречу. Передадут груз. Ты его доставишь. Все.

Ему не звонили. Встречи не назначали. Значит, проблемы с грузом. Догадаться не сложно, поскольку грузом были наличные деньги. Много! Их он должен переправить через границу и доставить хозяину. У него было с десятков контактов, которым следовало позвонить, как только груз будет у него на руках. Они должны сообща решить, каким будет маршрут и транспорт.

Эти люди тоже ждали. Не брали других заказов. Послезавтра крайний срок, когда он сможет к ним обратиться. Если ничего не выйдет, придется разрабатывать новый план. Пере-

страиваться на ходу. А этого Борис крайне не любил. Это как раз и тянуло его в ту самую зону риска, где он находился на волосок от гибели.

И опять же, рисковать в какой-то другой стране – это одно. Но в Москве! Как тут дела делать, если даже обслуга в гостинице шарит в твоём чемодане и подозрительно косится. А человек, которому ты заплатил деньги за жилье, подозрительно рассматривает и задает массу неудобных вопросов.

А что тогда в полиции происходит? Представить невозможно.

Борис прижался лбом к пыльному стеклу и глянул на мокрую от дождя улицу десятью этажами ниже. Автомобильная пробка растянулась длинным червем, медленно ползущим и изрыгающим выхлопные газы. Яркие пятна колышущихся зонтов. Ядовито-сочная зелень распустившихся деревьев и кустарников. Запестревшие клумбы. Май был богат цветением, но оживающая природа всегда раздражала Бориса. Он больше любил осеннее увядание. Оно напоминало ему естественный уход, от которого никому не спастись. Тусклые краски, приглушенные звуки, прохладный воздух. Это его стихия.

Телефон вдруг ожил. Но не тот, с которого он не сводил взгляда, не московский, а свой в кармане брюк.

– Борис, – окликнул его властный голос Андрея. – Ты?

– Я.

– Что за заминки? Мне звонят, спрашивают. Сроки истекают. – Голос хозяина был полон недовольства.

– Тишина. Не могу понять.

Повисла пауза, Андрей размышлял.

– Даже так? – наконец отозвался он. – Ну что же... Если Магомед не идет к горе... Я скину тебе контакты. Разыщи сам.

– Хорошо.

Борис подавил довольную улыбку, словно Андрей мог его видеть. Ожидание всегда выводило его из себя. Он был человеком действия.

– Аккуратнее, – тут же угадал его настроение хозяин. – Не высовывайся. Просто осмотришь, что и как. Сначала надо понять, в чем проблема.

– Я понял.

– Да ничего ты не понял, – угрожающе повысил голос Андрей. – Могут быть обстоятельства, а могут и... Короче, я не позволю себя кинуть без объяснения причин. Ты понял: наблюдаешь, докладываешь. О каждом!..

Ничего себе. Их несколько? Борис думал, что заказчик один. И тот должен был позвонить и доставить груз. А слова Андрея все это опровергают. Ему придется наблюдать сразу за несколькими? Целой группой лиц? Кто из них заказчик – вопрос, который он так и не задал Андрею. А может быть...

А может быть, тот и сам не знает?

Через десять минут на электронную почту пришло зашифрованное письмо. Борису понадобилось полчаса, чтобы расшифровать эту абракадабру. Столбиком он выписал на куске бумажного полотенца имена, адреса и номера телефонов. Письмо удалил. Текст зазубрил наизусть. Кусок бумажного полотенца смыл в унитаз. Еще раз прогнал в памяти все, что расшифровал. Запомнил отлично, только не понял ни черта. Какие-то девки, парни. Зачем они? Есть ли среди этой группы нужный человек, клиент, не объявившийся до сих пор, Борис так и не понял.

Но раз Андрей считает нужным, он проследит за ними. Составит собственное мнение обо всех движах и потом доложит. Его дело исполнительское, рассуждают пускай другие.

Но собираясь выйти из квартиры, он все же поймал себя на том, что сильно раздражен. Никогда у него так не было, чтобы он шел туда, не зная куда, и искал то, не зная что. Это как плыть в темной воде в тумане. Никогда не найти берега.

– Здравсте, – раздалось за спиной, когда он проворачивал ключ в замке.

Он обернулся, невнятно пробормотал приветствие. У него не было акцента, он хорошо говорил по-русски, но почему-то изобразил картавого. Природная осторожность сыграла роль, или просто пожилая женщина, разглядывающая его с подозрением, ему сразу не понравилась.

– Немой, что ли? – фыркнула она, брызнув слюной.

Он неуверенно кивнул, положил ключ в карман легкой куртки и пошел к лифтам.

– Что, Михалыч опять квартиру сдал каким-то обрыгам? – заорала женщина ему вслед. – Вот погодите у меня. Участковому пожалуюсь. Пусть они вас всех тут проверят. Взялся каждый месяц жильцов менять. А нам что делать? Вдруг это убийца какой-нибудь! Рожа вон какая преступная...

Не сказать, чтобы он испугался ее хая. Но тут же решил, что в эту квартиру больше не вернется. Хорошо, что перед уходом протер все, чего касался. Такая у него была привычка: подчищать в помещении перед уходом, словно уходишь навсегда.

Его отпечатки хранились в базе той страны, откуда он прибыл. Если вдруг что пойдет не так, его отпечатками поделятся с Москвой, сомнений нет. Вещей при нем было немного, и он всегда носил их с собой. Тоже привычка, выработанная годами.

– Так что, жилец? – Тетка не отставала, провожала его до лифтов. – Звонить участковому или договоримся?

Ее выразительный жест пальцами намекал на денежную мзду. Борис не отреагировал. Кротко улыбнулся и широко развел руками: мол, не понимает. Тут же нырнул в подоспевший лифт и нажал кнопку первого этажа. Уже в лифте дал волю ярости, трижды ударив кулаком по панели кабины.

Алчная русская сука! Из-за нее ему теперь придется искать другое жилье. А это минус определенная сумма. У него командировочных немного. Если поиски затянутся, он может оказаться на мели. У Андрея просить он не станет. Если тот решит помочь, он сам об этом скажет.

Словно услышав его тревогу, Андрей снова позвонил:

– Ты где?

– Выхожу из дома. Работать, – уточнил он.

– Я понимаю, что тебе придется задержаться на неопределенный срок, – произнес хозяин немного виновато. – Деньги тебе передадут сегодня. Координаты сброшу. И ключи от тачки. Нечего светиться в метро. Там везде камеры.

Борис помолчал, оценивая ситуацию, а потом спросил:

– Считаете, что ситуация настолько вышла из-под контроля?

Слово «настолько» он многозначительно выделил интонацией.

– Все может быть, мальчик мой. Все может быть...

Философская печаль в его голосе не сулила добра клиенту и намекала на долгое пребывание в Москве, которое Борис проведет в больших хлопотах. Чем-то обидел Андрея клиент, не вышедший на связь. Серьезно зацепил.

– Лови координаты. И поезжай сейчас прямо туда. На автобусе. В метро не спускайся, – скрипучим голосом, намекающим на усталость, проговорил Андрей. – Там тебя найдут. Отдадут деньги на жите-бытие. И ключи. Кстати, что у тебя с жильем?

Борис раздраженно вдохнул, выдохнул. Еще час назад он думал, что жильем на ближайшие дни он обеспечен. Заплатил за месяц. Но после угроз соседки он туда уже не вернется. Свидание с участковым не входило в его планы.

– Пока в поиске, – не стал он врать хозяину. – Гостиницы дорогие. Персонал любопытный.

– Понял. Подумаю. Позвоню.

Борис вышел на улицу, залитую ярким светом. Черт-те что! То дождь, то солнце. Он недовольно поморщился, вытащил из кармана ветровки солнцезащитные очки, надел и медленным шагом двинулся к автобусной остановке.

До места наземным транспортом он добирался очень долго. Устал стоять на задней площадке, еще и пересаживаться пришлось пару раз. Через пару часов он был на месте, которое ему указал Андрей.

Площадь небольшая, с памятником и фонтаном. Таких в любом большом городе множество. Почему Андрей выбрал именно это место, Борис понял сразу: ни одной камеры по периметру. Упущение властей играло им на руку.

Он прошелся по кругу. Выбрал скамейку подальше от фонтана и, не успев сесть, как к нему подошел мужчина. Невысокого роста, сутулый, в дряхлой, истлевшей по швам рубашке, он опирался на трость и производил впечатление древнего немощного старца. Но на Бориса глянул поблескивающими от азарта глазами и заговорил голосом, совсем не соответствующим его облику.

– Как зовут тебя, юноша? – спросил он, усаживаясь на скамейку прежде Бориса.

– А что?

Он все еще был насторожен. Но мужчина сказал заветное слово, потом передал ему привет от Андрея. И он расслабился.

– Меня зовут Борис.

– Это я вижу, твой портрет мне нарисовали. На вот посылочку. – Он швырнул на скамейку истертый пакет из супермаркета. – Там все. Машина на стоянке через дорогу. Черный внедорожник. Потрепанный, конечно, чтобы не привлекать внимания. Но на ходу. Ну, бывай, Борис. Я побрел дальше.

Он исчез как-то вдруг и сразу. Борис покрутил головой и не нашел его сутулой фигуры среди прогуливающих горожан и туристов. Он заглянул в пакет: тугая пачка денежных купюр, ключ от машины с брелоком сигнализации.

В машину он усаживался уже через три минуты. В козырьке над рулем нашел документы, доверенность, страховку. Прокатал в памяти список, присланный ему Андреем, и решил, что начнет с девки. Она была в самом конце, значит, для дела незначительная. Их сразу следовало вычеркивать, потратив намного меньше времени, чем на главных персон.

О чем он станет ее спрашивать, не зная всех деталей дела, Борис пока не представлял. Но думал, что девка сама знает, как отвечать. Главное, нажать на нужные кнопки, чтобы она заговорила. А это он умел. Заставлять людей говорить правду, даже вопреки их воле, было его призванием.

Именно по этой причине он оказался в команде Андрея.

Глава 9

– Светка то, Светка сё! Достали, блин!

Она вытащила из ведра мусорный пакет, отвратно завонявший еще пару дней назад. Затянула на нем завязки потуже и выставила из квартиры на лестничную клетку. Будет выходить из дома, выбросит. Пока необходимости в этом она не видела. Обе соседки – пожилые и сварливые – съехали на дачу до осени. За пакет с мусором ее никто не упрекнет.

Света вымыла руки в ванной, внимательно осмотрела себя в зеркале. Невзирая на двухдневную работу и бессонные ночи, выглядит она свежо и пристойно. А все почему? Потому, что голову имела. И на уговоры клиентов реагировала глупым хихиканьем и враньем:

– Да я только выпила!

– Вот моя пустая рюмка.

– Да вы что, я больше всех пью...

Умение выкручиваться помогало ей в жизни и особенно на новой работе, которую ей подогнала подруга Катя.

– Это что-то типа эскорт-услуг, но уровнем пониже. Понимаешь, Светик, девчонку в компанию многие хотят, но не все имеют знакомых. Вот мы им и помогаем. – В ответ на ее осторожные вопросы Катя округляла глаза. – Никакого секса! Ты что? Только выпить и поговорить. Или сопроводить. Жрать приготовить, в квартире убрать. В общем, помочь, чем можешь...

У Светы пока получалось отбрыкиваться от озабоченных клиентов. У Кати не вышло. За минувшие полгода та сделала уже два аборта, трижды попадала в травму и один раз отсидела в обезьяннике, когда соседи вызвали наряд к особо развеселившейся компании.

Их директор Нина Васильевна, которая категорически отрицала свою причастность ко всякого рода сутенерству, Свету особенно ценила за неприступность.

– Ты правильно поняла политику нашей компании, – с пафосом произносила она, вручая ей очередной конверт с премиальными. – Поэтому и ценна как сотрудник.

– Почему? – вежливо улыбалась Света, с благодарностью принимая тощий конверт.

– Потому что ты не шлюха, а именно сотрудник. И я на тебя могу положиться в самых ответственных делах. Уверена, ты ничего не испортишь. Клиенты будут довольны. Ты останешься неприкосновенной. Есть ведь такие, что...

Нина Васильевна тяжело вздыхала, опускала голову и сквозь зубы цедила:

– Берегов не видят. Их ни контракт не останавливает, ни устные договоренности. Для них, если девушка, то априори шлюха. Тем более что некоторые из наших уже так себя зарекомендовали. Уволить бы к чертовой матери, да и на нее есть желающие...

Двое минувших суток Светлане пришлось выполнять роль горничной, повара и массовика-затейника для охотников на дальней заимке в ближайшем к Москве заповеднике. Мужчин было четверо, она – одна. Но никто ее даже пальцем не тронул. Один принялся ближе к ночи второго дня делать недвусмысленные намеки, но Света тут же их отвергла.

– Да ладно, чего ты? – Он осторожно тянул руки к ее груди. – Никто же не узнает.

– Я... Я буду знать. И этого достаточно. – Она сурово свела брови к переносице, отступая к выходу из комнаты.

– Достаточно для чего? – Он плотоядно облизывался.

– Для того, чтобы считать и тебя и себя мразями.

Это гадкое слово его будто отрезвило. Он уронил руки. Постоял. Помолчал.

– Извини, – буркнул он недовольно и ушел.

Вот и весь секрет. А Катя вечно напридумывает что-то невероятное: то силы у нее иссякли отбиваться, то сама не поняла, как это вышло. А подруга наверняка обладает каким-то даром или секретом, отпугивающим особенно настырных.

Свете очень хотелось сказать, что секрета никакого нет. И дара тоже. Просто на работе пить нельзя. Это снижает уровень ответственности, стирает грани между нравственностью и падением. Но говорить об этом было бесполезно. Катя пила, и в последнее время все чаще и больше. Это сильно напрягало и мешало, если они работали в паре. Нина Васильевна обещала ее больше с Катей не ставить.

Света пропустила меж пальцев густые длинные пряди совершенно белых волос – предмет ее гордости и зависти коллег. Подхватила их резинкой и стянула на макушке в хвост, который тут же превратила в тугий пучок. Надвинула на голову повязку, спрятав под нее все до волоска, и нанесла маску из меда, сметаны и дрожжей. Эта смесь, которую Катя называла ужасной, помогала ее лицу светиться легким румянцем. Без него Света напоминала мертвую, настолько бледным от природы было ее лицо.

Через двадцать минут она смыла маску. Приняла контрастный душ. Вымыла волосы и пошла в кухню завтракать. Вообще-то с утра она не хотела есть и каждое утро через силу впихивала в себя какую-нибудь полезную кашу или омлет. Запивала теплой водой из чайника, и все – до вечера о еде забывала.

– Тебя никогда не заморишь голодом, – с завистью бормотала Катя, объедаясь гамбургерами. – Ты никогда не умрешь от истощения. Просто высохнешь, как клякса...

Вообще-то общение с Катей ей изрядно надоело. И работа хлопотная – тоже. Они ходили по грани, и все это понимали. Когда-нибудь у очередного отморозка сорвет крышу, и он натворит такое, после чего Свете просто не захочется жить. Она уже принялась искать себе работу и на следующей неделе у нее было запланировано сразу три собеседования. Ее кандидатуру хотели рассмотреть на должность делопроизводителя, специалиста по кадрам и даже начальника хозяйственного отдела.

Она никому об этом не рассказала. Отпросится, будто бы в больницу. Нина Васильевна отпустит. Она очень трепетно следит за их здоровьем. Кате даже оплачивала диспансер, когда у той случалась беда.

Звонок в дверь прозвучал так неожиданно, что Света замерла с ложкой, с которой капала жидкая овсянка прямо на стол.

Кто бы это мог быть? Катя на смене с утра. Отвозит вещи Нины Васильевны в химчистку. Да, и такие поручения ими выполнялись. Освободится не ранее трех часов пополудни, поскольку химчистка, где отлично чистили дорогой мех, располагалась за городом. Кто тогда названивает в ее дверь с такой настойчивостью?

Ответ стукнул ей в темечко на середине пути от кухни до прихожей.

Блин! Мусор! Одна из старых перечниц приехала, обнаружила вонючий пакет на лестничной клетке и спешит предъявить. Сейчас примется орать, грозить жалобами, хвататься за сердце и обвинять ее в нечистоплотности. Блин! На ходу придумывая объяснение и цепляя на лицо улыбку, Света закрутила головки замков.

– Здравсте, я все уберу сейчас! – выпалила она, широко распахивая дверь.

– Здравствуйте, Светлана.

На нее смотрел высокий, интеллигентного вида мужик, которому могло быть как тридцать, так и хорошо за пятьдесят. Он был очень стильно одет, тщательно причесан, старательно улыбался и настойчиво пер в ее квартиру.

Света на всякий случай поставила ногу под дверь, притормаживая незваного гостя. В голове газелями проскакали мысли: недовольный клиент, которого она не запомнила; обиженный Катин хахаль, пытающийся ее разыскать; родственник соседок, явившийся с претензиями из-за мусорного мешка на лестничной клетке.

Оказалось, ни то, ни другое, ни третье. Дядя слазил в маленькую кожаную сумочку, больше напоминавшую портмоне, достал визитку и сунул ее Свете.

– Частный детектив?

Она сначала вытаращилась непонимающе, потом нахмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.